

вацко-русских и словацко-польских литературных связей: очень часто даже в печати произведения русских и польских писателей появлялись без имени автора, которое опускалось из цензурных соображений. Наглядный пример — польские писатели-эмигранты, в частности Мицкевич.

Подробные и точные комментарии одновременно являются проверкой степени объективности и достоверности публикуемых материалов, что также входит в обязанности издателя. Поэтому вряд ли стоит принимать всерьез столь частые жалобы на некие чрезмерные требования при комментировании.

С одной стороны, строгие принципы, принятые при подготовке изданий эпистолярного наследия, а с другой — отсутствие элементарных исследований приводят к тому, что комментарии непомерно разрастаются, сравниваясь по размеру с публикуемым текстом, а иногда и превышая его. Мы, конечно, не закрываем глаза на эту проблему и надеемся, что она будет решена после выпуска таких трудов, как «Словарь словацкой литературы», «Словарь словацких переводчиков», «Энциклопедия Словакии» и др. Тогда мы сумеем избавить комментарии от ныне неизбежной перегрузки.

Н. В. ИЗМАЙЛОВ

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОЭМЫ ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

«Петербургская повесть» Пушкина «Медный Всадник» — это вершинное, самое глубокое и сложное по мысли, художественно совершенное творение последних лет жизни поэта — представляет благодарный материал для изучения истории ее текста.

Сохранились, обследованы и изданы почти все рукописи поэмы (кроме записей некоторых небольших отрывков), от первых черновиков до последних поправок, и это дает возможность проследить всю историю авторской работы над нею. С другой стороны, поэма, запрещенная, как известно, личной цензурой Николая I, не была издана при

жизни Пушкина, — и, таким образом, отсутствие авторского печатного текста ставило и ставит перед редакторами проблему его установления, не решенную окончательно и Академическим изданием, где поэма отредактирована С. М. Бонди и автором настоящей статьи.¹ Напомним вкратце основные относящиеся сюда факты.

Помимо двух черновых автографов «Медного Всадника» — в тетрадах Пушкинского дома (всюду далее — ПД) № 845 (быв. ГБЛ № 2374) и ПД № 839 (быв. ГБЛ № 2372), дающих вместе с двумя отдельными записями (см.: Акад. изд., т. V, стр. 487—488) почти полный текст поэмы, — мы имеем два беловых автографа ее: первый, перебеленный с черновых («Болдинский», БА) — ПД № 964 (быв. ГБЛ № 2375), и переписанный с него «Цензурный» (ЦА, с пометами Николая I) — ПД № 966 (быв. ГБЛ № 2376 Б); далее, в распоряжении редактора имеется заказанная Пушкиным писарская копия (ПК) с Цензурного автографа, с поправками и переделками Пушкина и Жуковского — ПД № 967 (быв. ГБЛ № 2376 Б) и вставка к ней, обнаруженная в 1947 г. в Библиотеке им. Ленина, — ПД № 968. Эти материалы дают почти полную картину работы Пушкина над своей поэмой в 1833 и 1836 гг.

Цензурные пометы Николая I, объективно равносильные запрещению поэмы, не раз подвергались исследованию, как и незаконченные автоцензурные поправки Пушкина и цензурные переделки Жуковского, «приспособившие» «Медного Всадника» к изданию.²

Пушкин, как известно, так и не смог довести до конца выполнение цензурных требований Николая I и не напечатал при жизни свою последнюю поэму.³ Она была опубли-

¹ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. V. Поэмы 1825—1833. [М.—Л.], 1948. (Всюду далее — Акад. изд.).

² См. статью П. Е. Щеголева «Текст „Медного Всадника“» (стр. 66—68) — в его издании поэмы 1923 г., о котором речь будет дальше; статью Т. Г. Цявловской (Зенгер) «Николай I — редактор Пушкина» («Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 521—524); работу О. С. Соловьевой «„Езерский“ и „Медный Всадник“. История текста» (в сб.: Пушкин. Исследования и материалы, том III. М.—Л., 1960, стр. 324—325, 334—335); Акад. изд., т. V, стр. 499, 518—519.

³ «Вступление» к «Медному Всаднику» под заголовком «Петербург. Орывок из поэмы» было почти полностью (ст. 1—38, 43—91) опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» (1834,

ликована — по тексту ПК, с некоторыми из автоцензурных переработок Пушкина и со всеми переделками, внесенными Жуковским и искажившими не только текст, но и смысл, идейную сущность поэмы, — в I томе посмертного «Современника» 1837 г., а затем — в IX томе посмертного издания Сочинений Пушкина (1844).

Дальнейшая история печатного текста поэмы представляет собою долгий процесс его постепенного очищения от цензурных и иных искажений, причем все редакторы, во всех изданиях брали в основу текста, вслед за Жуковским, писарскую копию (ПК) со всеми стилистическими исправлениями на ней Пушкина.⁴ К этому, помимо инерции, данной первопечатным текстом, побуждали достаточно веские основания: художественные поправки, внесенные Пушкиным в ПК, несомненно являются хронологически последним выражением авторской воли и отменяют предшествующий текст — Цензурный автограф. Дополнительным основанием служит то, что одна — и притом серьезная — переработка была сделана поэтом еще до отдачи ЦА в переписку и внесена переписчиком в ПК, очевидно, с особого, теперь неизвестного автографа.⁵ Это обстоятельство — едва ли не самый веский аргумент для признания ПК (а не ЦА) источником дефинитивного текста поэмы.

Было, однако, другое обстоятельство, осложняющее этот, казалось бы, ясный вопрос. Выправляя ПК (мы имеем в виду, конечно, лишь стилистические поправки), Пушкин стал перерабатывать размышления Евгения (стихи 40—62 Первой части по Академическому изданию 1948 г.). Он тщательно переправил первые 8 стихов текста ЦА — ПК, сделав из них семь (от «Что служит он всего два года» до «Дни на два, на три разлучен») и вычеркнув последние два из ЦА — ПК («Тут он разнежился сердечно / И размечтался как поэт»), а затем, не

том VII, кн. 12, стр. 117—119). Здесь стихи, перечеркнутые в ЦА Николаем (39—42 — «И перед младшею столицей...»), заменены четырьмя строчками точек.

⁴ Исключение составляет издание «Медного Всадника» под редакцией П. Е. Щеголева 1923 г. (о чем ниже) и отредактированные им же издания поэмы в полных собраниях сочинений Пушкина 1930, 1931 и 1934 гг.

⁵ См.: Акад. изд., том V, стр. 137 и 496 (Вступление, после «Была ужасная пора» — ст. 93—96).

исправляя, перечеркнул остальные 15 стихов текста ЦА — ПК («Жениться? что ж? зачем же нет?» до «И внуки нас похоронят...»). Так как эти стихи ничем не были заменены, то их опустил Жуковский, опускали и все редакторы (кроме Щеголева) до Академического издания. Тем самым чувствовался в тексте пробел, исчезли мечтания героя о будущем семейном счастье и был явно обеднен его образ. Однако же контаминировать переработанный текст с вычеркнутым было бы противно элементарным правилам текстологии — даже примитивной текстологии XIX в. И с этим явным, но неисправимым дефектом, который напрасно пытались мотивировать желанием Пушкина улучшить композицию,⁶ поэма продолжала издаваться более ста лет, уже и после того, как все цензурные переделки Пушкина (не говоря о Жуковском) были устранены.⁷

В 1923 г. вышло новое издание «Медного Всадника», приготовленное П. Е. Щеголевым.⁸ В нем редактор, нарушая почти столетнюю традицию, отверг Писарскую копию и принял источником текста Цензурный автограф как законченное выражение «последней авторской воли» Пушкина. «Текст „Медного Всадника“, — пишет он, — в этом

⁶ Т. Г. Зенгер (Цявловская) объясняла исключение 15 стихов тем, что Пушкин «выбрасывал длинноты, ослаблявшие цельность драматического нарастания» («Николай I — редактор Пушкина», стр. 524).

⁷ Отсутствие вычеркнутых и ничем не замененных «мечтаний» Евгения смущало не одного текстолога-редактора. Автор настоящей статьи, редактировавший текст «Медного Всадника» в большой серии «Библиотеки поэта» (1939, т. II, стр. 266), не имея возможности устранить этот дефект, привел в подстрочной сноске весь вычеркнутый Пушкиным в ПК текст мечтаний Евгения, от стихов «Что вряд еще через два года / Он чин получит...» до стиха «И внуки нас похоронят...». Эта сноска для читателя придавала размышлениям Евгения необходимую полноту и законченность, не нарушая требований текстологии, — но, конечно, была компромиссным решением.

⁸ Медный Всадник. Петербургская повесть А. С. Пушкина. Иллюстрации Александра Бенуа. Редакция текста и статья П. Е. Щеголева. СПб., Комитет популяризации художественных изданий при Росс. Академии истории материальной культуры, 1923. (Далее ссылки на статью Щеголева — в тексте). Статья П. Е. Щеголева «Текст „Медного Всадника“» написана, по-видимому, в 1916 г., а вся книга набрана в 1917-м, т. е. до выступления новой школы молодых текстологов во главе с Б. В. Томашевским.

автографе (т. е. ЦА, — *Н. И.*), представляет ту дефинитивную, окончательную редакцию, в которой Пушкин хотел видеть свою повесть в печати» (стр. 64). «Эта именно редакция плод свободного творчества поэта. <...> Нет двух ответов на вопрос: ежели бы в момент прекращения работы по оцензурению „Медного Всадника“ (т. е. по внесению поправок в ПК, — *Н. И.*) Пушкина спросили, какой текст „Медного Всадника“ он хочет видеть в печати — тот, который находится в автографе, или тот, который дает исправленная писарская копия, то ответ мог быть только один, голос его был бы подан за текст автографа <ЦА>. Текст же посмертной редакции <ПК> является как раз таким, какого Пушкин не хотел видеть опубликованным, какого Пушкин не пустил в печать» (стр. 72).

Заключение Щеголева было бы неоспоримо, если бы ПК носила на себе только «автоцензурные» поправки Пушкина и позднейшие переделки Жуковского. Их было бы легко снять и вернуться, таким образом, к тексту ЦА. Но, как мы знаем, это не так, и здесь перед нами во всей своей сложности встает вопрос о «последней авторской воле» и о выборе дефинитивного, т. е. окончательного или основного текста, — текста для печати.

Когда поэт через два с лишним года после запрещения «Медного Всадника» вернулся к мысли о его публикации, многие частности в тексте поэмы уже не удовлетворяли его, и он стал их перерабатывать. Прежде всего — как было отмечено выше — переработка коснулась заключительных стихов «Вступления», и они были переписаны в новой редакции. П. Е. Щеголев не обратил должного внимания на это обстоятельство, обошел его, лишь отметив мимоходом (стр. 65). Но именно эта переработка уж несомненно была «плодом свободного творчества», и именно она более всего узаконивала все последующие поправки, внесенные Пушкиным в ПК. Рассматривая их, Щеголев почти во всех случаях считает эти поправки незаконченными («неокончательными») или даже неудачными, ухудшающими текст. Так, он сопоставляет две редакции отрывка, говорящего о безумном Евгении, которого «Нередко кучерские плети <...> стегали» и т. д. (ст. 110—115 Второй части), и, приведя эти стихи в обеих редакциях, замечает, что они в ПК «совершенно неудачно выправлены», что исправления «значительно искажают

смысл», вносят «прозаизм в текст повести», что от них «сразу оскудело содержание» отрывка. Отсюда следует вопрос: «Можно ли считать такое исправление совершенным и окончательным?».

Вопрос о том, «совершенна» или «несовершенна» поправка, внесенная автором, выходит за пределы текстологии. Это — вопрос субъективно-эстетической оценки, т. е. вкуса, — критерия, в текстологических изучениях недопустимого, кроме, разумеется, случаев явной грамматической или стилистической недоработки, нарушающей логический смысл, где требуется введение редакторской конъектуры и допустима, как вспомогательное средство, эстетическая оценка.

Насколько спорны оценочно-эстетические наблюдения Щеголева и насколько недопустимо основывать на них текстологические выводы, показывает то, что С. М. Бонди — не делая, конечно, из этого текстологических заключений — считает, что «в ряде мест», где Пушкин «сделал поправки, изменения чисто художественного характера», «текст „Медного Всадника“ 1836 года совершеннее текста 1833 года»: «В 1836 году Пушкин все не вполне точные или недостаточно выразительные слова и обороты заменяет яркими, сильными и образными».⁹

Но в одном, очень важном случае Щеголев был безусловно прав: речь идет о вычеркнутых без замены «мечтаниях» Евгения, исключавшихся из всех изданий поэмы (о чем уже говорилось выше).

«При исключении мечтаний Евгения в посмертной редакции, — писал П. Е. Щеголев, — совсем неуместным оказался неисправленный стих 159¹⁰ —

Так он мечтал.

Как раз ничего такого, что можно было бы охарактеризовать как мечтания, не осталось в предшествующих, явившихся результатом исправления стихах посмертной редакции. Ясное доказательство, что исправления, сделан-

⁹ С. М. Бонди. Новый автограф Пушкина. — Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 11. М., 1950, стр. 140 (вся статья — стр. 134—146 с факсимиле).

¹⁰ По общему счету стихов поэмы; стих 63 Первой части по Акад. изд.

ные <...> Пушкиным, не были доведены до конца и не подлежали введению в окончательный текст»¹¹ (стр. 70).

Аргументация П. Е. Щеголева вызвала позднее возражения со стороны некоторых пушкинистов-текстологов. «Первым „ясным доказательством“ (того, что исправления в ПК не закончены и не подлежат введению в текст поэмы, — *Н. И.*), — пишет Т. Г. Зенгер (Цявловская), — является то, что Пушкин, выпустив мечты Евгения о Параше, сохранил якобы потерявшие смысл слова: *Так он мечтал*. Это положение исследователя является недопониманием. Слово *мечты*, *мечтать* в поэтическом употреблении сто лет назад не было синонимом слов *грезы*, *грезить*, не разумело непременно чего-то приятного, желаемого. Это слово было синонимом *раздумья*, *мыслей*, *дум*. Приведя ряд примеров из «Евгения Онегина», «Полтавы» и др., исследовательница заключает: «Это доказательство Щеголева <...> казалось — самое сильное из трех. А между тем мы видим, что оно ошибочно. И все построение Щеголева рушится».¹² В том же смысле, хотя и не столь категорически, высказывается и С. М. Бонди, который, не называя П. Е. Щеголева, указывает на то, что «слова „мечты“, „мечтать“ у Пушкина имели не только то значение, в каком мы их употребляем (думать о чем-то желательном); нередко эти выражения обозначают просто мысли (не обязательно приятные), окрашенные сильным чувством».¹³

Указания эти в общей форме справедливы. Но именно в данном случае оппоненты Щеголева неправы. В самом деле, в этом отрывке (т. е. в стихах 29—63 Первой части поэмы) Пушкин дает ясно выраженный переход от *размышлений* Евгения к *мечаниям*, с существенной разницей в содержании и стиле тех и других. В ЦА и ПК (до правки) мы читаем о пришедшем домой Евгении:

... долго он заснуть не мог
В волненьи разных *размышлений*.¹⁴
О чем же *думал* он? —

и за этим следуют деловые, прозаические раздумья о бедности, службе, погоде... Последнее — вынужденная раз-

¹¹ Речь идет о стихах 40—47 Первой части поэмы по Акад. изд.

¹² Т. Г. Цявловская. Николай I — редактор Пушкина, стр. 535—536.

¹³ С. М. Бонди. Новый автограф Пушкина, стр. 140.

¹⁴ Здесь и далее курсив наш, — *Н. И.*

лука с Парашей из-за подъема воды — приводит его к мыслям о Параше, и —

Тут он разнежился сердечно,
И размечтался как поэт.

Выражение «размечтался как поэт» (пусть и содержащее некоторую долю иронии) подчеркивает разницу между предшествующими прозаически деловыми размышлениями и «поэтическими» мечтами, т. е. в полном смысле — представлениями о будущем и желаемом, рисующими его маленькое, даже мещанское счастье. При окончательной правке (о которой ниже) слова «Тут он разнежился сердечно» были изменены на «Евгений тут вздохнул сердечно» и соответственно этому следующий за мечтами о семейном счастье стих — «Так он мечтал. Но грустно было» (противопоставление приятному, разнеженному состоянию) изменен на «Так он мечтал. И грустно было» (связанное с грустным «вздохнул»). Подобные изменения показывают, насколько прав был Щеголев, придавая важное значение «исключению» из текста мечтаний. Вместе с тем они демонстрируют ту глубокую и тончайшую смысловую и стилистическую продуманность каждой, даже на вид мелкой поправки, которая характерна для всей работы Пушкина над его последней поэмой.

Чутье текстолога не обмануло Щеголева: мечты Евгения были зачеркнуты в ПК лишь для того, чтобы заменить зачеркнутый текст новым, более сжатым. Как известно, в 1947 г. был обнаружен в Библиотеке имени Ленина листок (теперь — ПД № 968), ускользнувший ранее от внимания пушкинистов, на котором Пушкин записал этот новый, переработанный текст. Этот текст, обработанный С. М. Бонди, еще удалось ввести в Академическое издание (том V, стр. 139 и 521). Но автограф, содержащий 13 стихов, носит легкие исправления, дающие два слоя, две редакции, притом обе — не вполне отделанные, так что приходится, выбирая для издания одну из них, прибегать к бóльшим или меньшим редакторским конъектурам. Текст вставки таков.

После новой редакции двух стихов (47—48 Первой части по Акад. изд.) —

- 1 Евгений тут вздохнул сердечно
- 2 И размечтался как поэт —

следуют мечты его о женитьбе также в новой редакции, сначала от первого лица:

- (50) 3 Жениться? мне? зачем же нет?
4 Оно и тяжело конечно,
5 Но что ж я молод и здоров,
6 Трудиться день и ночь готов;
7 Уж кое-как себе устрою
8 Приют смиренный и простой...

Дойдя до этого места, поэт решил перевести прямую речь Евгения в косвенную, заменить первое лицо третьим. Для этого он переделал три стиха:

- 3 Жениться? *Ну...* зачем же нет?
5 Но что ж *он* молод и здоров,
7 *Он* кое-как себе *устроит*

Рифмующийся с 7-м (9-й) стих он написал уже в этой новой форме:

- (55) 9 И в нем Парашу *успокоит*

Но затем вновь перешел к прямой речи, в первом лице:

- 10 Пройдет, быть может, год другой —
11 Местечко получу — Параше
12 Препоручу хозяйство наше
13 И воспитание ребят

На этом текст вставки обрывается. Три стиха в ЦА — ПК, завершающие мечты Евгения и написанные — как и 10—13 стихи вставки — в первом лице —

- (60) И станем жить и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба
И внуки нас похоронят...

в тексте вставки отсутствуют; в ПК они зачеркнуты и ничем не заменены.

Как печатать весь этот отрывок? Прежде всего — и в этом согласны все редакторы — к стихам вставки присоединяются три стиха, зачеркнутых в ПК без замены, — «И станем жить...» и т. д. Конъектурное восстановление этих трех стихов оправдывается тем, что, как предполагает С. М. Бонди, «Пушкин не переписал их на почтовый листок потому, что в них он не делал никаких изменений по отношению к предыдущей редакции, и ему при-

шло бы точно повторять ее, на что у него не хватало терпения».¹⁵ Очень вероятно, что это так; но можно думать также, что эти три стиха зачеркнуты были случайно — заодно с предыдущим текстом, — или же что сначала предполагалось и их переработать. Во всяком случае, их восстановление (без всяких оговорок) не вызывает сомнений.

Что касается текста вставки, то здесь при печатании ее представляются два возможных решения: одно, предложенное публикатором и исследователем «почтового листка» С. М. Бонди¹⁶ и напечатанное в 1948 г. в составе текста «Медного Всадника» в «большом» Академическом издании;¹⁷ другое, принятое Б. В. Томашевским в «малом» Академическом издании 1949 г.¹⁸ То и другое как равноправные входят в последующие издания сочинений Пушкина, которые следуют — одни — первому решению, другие — второму.

При первом решении редактор точно следует последнему чтению автографа: стихи 3—9 вставки даются косвенной речью, в третьем лице, стихи 10—13, с добавлением трех зачеркнутых стихов из ПК — в первом лице, прямой речью, для чего вводится одна небольшая конъектура — кавычки перед 10-м стихом.

При втором решении редактор восстанавливает первоначальное — в первом лице — чтение стихов 3, 5 и 7 вставки, а в стих 9 вводится конъектура: «успокою» вместо «успокоит», — и, таким образом, весь отрывок принимает единообразную форму прямой речи.

¹⁵ С. М. Бонди. Новый автограф Пушкина, стр. 143.

¹⁶ См.: там же, стр. 144—146.

¹⁷ Акад. изд., том V, стр. 139 (и 521).

¹⁸ Полное собрание сочинений в 10 томах, т. IV. Ред. Б. В. Томашевский. М.—Л., 1949, стр. 383—384. В этом тексте есть одна досадная погрешность: вместо «Препоручу *хозяйство* наше» напечатано «... *семейство* наше», хотя на листке со вставкой слово «хозяйство» читается вполне ясно; та же погрешность сохранилась во 2-м изд. этого собрания сочинений: том IV, М., 1957, стр. 385—386. В 3-м изд.: том IV, М., 1963, стр. 385—386 — эта погрешность («семейство» вместо «хозяйство») исправлена. Три названных ниже издания вышли с тою же погрешностью (т. е. в них напечатано «семейство наше» вместо «хозяйство»): Пушкин. Стихотворения, т. I. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.; ред. Б. В. Томашевского). Л., 1955, стр. 386; Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах, т. III. М., 1960, стр. 289; Пушкин. Собрание сочинений в 8 томах, т. IV. М., 1968, стр. 382—383.

Какое же из этих двух решений следует считать более правильным?

На первый взгляд — второе из них, дающее более простой, стройный и унифицированный текст, где все мечтания Евгения о семейном счастье выдержаны в форме прямой речи, как это мы видим в ЦА и в ПК (до ее правки). Но такое решение означает отказ от исправлений, внесенных Пушкиным, т. е. от последней авторской воли, — отказ тем более немотивированный, что 9-й стих вставки Пушкин сразу же написал в третьем лице, так что редактору приходится, ради унификации текста, заменять то, что написал сам Пушкин, собственным конъектурным, а в сущности — произвольным чтением.

Что касается первого решения, т. е. редакции, данной «большим» Академическим изданием, то эта редакция строго следует последнему слою вставки, давая 3—9-й ее стихи в третьем лице и вводя лишь одну, незначительную и вполне законную конъектуру — кавычки перед 10-м стихом вставки —

Пройдет, быть может, год другой
и т. д.

Текст, в котором чередуются две формы речи — косвенная и прямая, звучит, быть может, несколько усложненно, но вполне соответствует воле поэта, подчеркнувшего прямою речью самую интимную, кульминационную часть «мечтаний» своего героя. Тем самым эта редакция должна быть признана текстологически более обоснованной, нежели вторая. Уже однажды утвержденная «большим» Академическим изданием и принятая многими другими, она, по нашему убеждению, должна быть единственной законной и принятой.

Рассмотренный нами текстологический казус показывает, насколько шатки и условны понятия «последней авторской воли» и «дефинитивного текста», если их понимать догматически и формально. Если бы не счастливая находка листка, пролежавшего почти 70 лет в архиве, оставаясь никому не известным, «Медный Всадник» продолжал бы печататься с изъятием «мечтаний» Евгения, а это значило бы, что, как замечает С. М. Бонди, «в изображении Евгения недостает существенной черты, гово-

рящей о его обывательских чувствах, о его мечтах об узколичном, маленьком мещанском счастье».¹⁹

Все это совершенно справедливо. Но не значит ли это, что, при всей спорности текстологического решения П. Е. Щеголева, оно имело веские основания, и, быть может, не будь находки листка, мы пришли бы к сознанию необходимости печатать двойной текст поэмы — по Писарской копии с ее стилистической правкой и по Цензурному автографу — по крайней мере в некоторых местах и в изданиях академического типа.

Теперь этот вопрос разрешен. Но нельзя не пожалеть о том, что текст, введенный в «большое» Академическое издание и, так сказать, им «освященный», тогда же был дезавуирован «малым» Академическим изданием (1949)²⁰ и в таком виде повторен много раз, включая последнее восьмитомное издание 1968 г. Такое положение явно не терпимо, и высшему научному центру пушкиноведения — Пушкинской комиссии при ОЛЯ Академии наук — следовало бы взять на себя рассмотрение и решение этого и других подобных вопросов, имеющих общенаучное и общенародное значение.

¹⁹ С. М. Бонди. Новый автограф Пушкина, стр. 141—142.

²⁰ К сожалению, редактор этого издания, покойный Б. В. Томашевский, нигде не дал мотивировки избранного им текста, и она остается неизвестной.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА
СЛАВИСТОВ

ТЕКСТОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

*Доклады конференции
Ленинград, 25—30 мая 1971 года*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1973